

О ПОЛИТИКЕ ПАПСКОЙ КУРИИ НА РУСИ (XIII век)

В. Пауто

Вопрос о характере политики папской курии на Руси в русской дореволюционной историографии не ставился; отдельные суждения об этой политике, высказанные в связи с изучением частных вопросов русской истории данного периода (например, в работах С. М. Соловьёва, Н. П. Дашкевича, Е. Е. Голубинского, М. С. Грушевского и др.), также не могут удовлетворить современного исследователя. Между тем в зарубежной буржуазной историографии, посвящённой церковно-политической истории Руси, а также истории Литвы и Прибалтики, за последнее время появился ряд работ, затрагивающих этот вопрос¹.

Общим для авторов этих работ является мнение, что в XIII в., когда Русь и ряд других стран Восточной Европы подверглись татаро-монгольскому нашествию, папская курия принимала энергичные меры к собиранию европейских сил для организации крестового похода против татар и что только отсутствие единства среди правителей европейских стран и нежелание русских князей сотрудничать с курией в рамках церковно-политической унии привели к срыву этого плана.

Взгляд на курию как на организатора антитатарской борьбы особенно чётко сформулирован К. Уминским. Касаясь взаимоотношений римской курии и князя Юго-Западной Руси Даниила Романовича, он писал, что папа Иннокентий IV «делал всё, чтобы помочь Даниилу, — писал ещё раз татарам, пытался использовать для этого дела рыцарей-меченосцев и крестоносцев, прекращал чешско-венгерские споры, крестил и короновал Миндовга Литовского, завязал переписку с Александром Невским Суздальским, проектировал крестовый поход из Чехии, Моравии, земель полабских, Поморья и Польши, для проповеди крестового похода назначил специального легата»².

В том же духе высказывались и другие авторы. Среди них особенно примечателен иезуит А. М. Амманн, имя которого широко известно в буржуазной историографии. В отличие от К. Уминского он интересуется главным образом церковно-политическими отношениями в Северо-Восточной Руси и на Литве. Работа Амманна основана на утончённой фальсификации источников и проникнута воинствующим католическим духом. Основная мысль автора сводится к тому, что никакого завоевания Восточной Прибалтики не было, ибо в основе деятельности крестоносцев и папских эмиссаров-епископов лежал великий принцип — «мира христового» — и лишь «по слабости человеческой проливалась кровь»³. «Это «завоевание» страны, кажется мне, — пишет Амманн, — в гораздо большей степени

¹ Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії (Зап. наук тов-ва ім. Шевченко. Т. 123—124. Львів. 1917); Ст. Томашиівський. Предтеча Ісидора Петро Акеревич, незнаний митрополит руський (1241—1245). (Analecta Ordinis s. Basilii Magni, Jovkva, 1927, t. II. fasc. 3—4), cc. 221—313; Uwmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego, t. I—II. Wilno. 1931—1932.

² Uminski K. Niebezpieczeństwo tatarskie w poł XIII w. a papież Innocenty IV (Pozprawy Historyczne Tow-wa Naukowego Warszawskiego. T. I. zesz. 4, 9, 1921—1922), str. 42.

³ Ammann A. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxy. Orientalia Christiana Analecta. S. 142, Roma 1936.

было явлением, трагически сопровождавшим деятельность епископа Альберта»⁴. Искажению истории крестоносного разбоя и политики папской агентуры в Прибалтике посвящена значительная часть книги⁵. Эта фальсификация предпринята с целью доказательства той мысли, что князь Александр Ярославич Невский совершил ошибку, когда после русских побед на Неве и Чудском озере отверг союз с папством, подчинился власти татаро-монголов и продолжал борьбу с крестоносной опасностью, шедшей с Запада, — от немецких и шведских захватчиков.

Неприязненное отношение А. М. Амманна ко всему русскому ярко выступает, когда он говорит о Руси; ему не хочется признать, что события той эпохи на Руси имели всемирноисторическое значение. Но при всём своём невежественном высокомерии автор вынужден заявить, что «позиция, занимаемая Александром Суздальским, имела существенное значение для всего Запада, даже для весьма обширной части земли и её населения». В чём же было её значение? Эта позиция «положила предел западному культурному влиянию (так именует автор грабительское продвижение крестоносцев. — В. П.) на многие десятилетия. Она создала действительную преграду работе (так!) римского папства»⁶. Автор выражает сожаление по этому поводу.

Исказив картину истребительного похода крестоносцев в Прибалтику, Амманн пишет, что на борьбу против папства князя Александра будто бы толкало «полное отвращение к Западу»; что Александр «предпочитал лучше в рабах татарских быть русским, чем в неверной свободе (?) быть связанным с западным жизненным пространством»⁷. Итак, если верить Амманну, князь Александр, как и все русские, не понял благотельного значения «западного культурного влияния», которое так успешно распространялось в Прибалтике. Он ответил ударами на Неве и на Чудском озере.

А. М. Амманн вынужден сознаться, что «исход немецкого выступления был жалок»⁸. Он ханжески пишет: «Запад можно было одолеть; это показали Нева и Чудское озеро. Восток же был неодолим; это показали развалины Переяславля и Киева (о развалинах Герцыке, Куконойса, Юрьева и других русских городов в Прибалтике Амманн предпочитает молчать! — В. П.). Запад просил смиренно о мире (чтобы, собрав новые силы, двинуться на Русь! — В. П.). Восток же высокомерно требовал подчинения»⁹.

Чтобы разоблачить фальсификацию Амманна, достаточно напомнить, что крестоносцы вели свои войны в Восточной Прибалтике, как перед тем на Эльбе¹⁰, с целью полного истребления местного населения, что их жестокость привела к исчезновению ряда племён (куронов, пруссов и др.). Достаточно сопоставить эти факты с фактом успешной ликвидации татарского ига русским народом, чтобы восстановить правильную историческую перспективу. Чувствуя, что решения Лионского собора (1245 г.), в которых нет речи об активной борьбе против татар, плохо вяжутся с легендой о папе — организаторе антитатарской борьбы, — А. М. Амманн утверждает, что собор потому и не принял постановления о крестовом походе, что, в сущности, некуда было идти, нечего завоёвывать; поэтому собор-де и

⁴ А m m a n n А. Указ. соч., стр. 126, 141. О том, что местное население было «жестоким и хищническим», см. стр. 185, 136, 125; мнение об епископе Альберте как о «бескорыстном» слуге бога см. стр. 140—141, 181—188. Не останавливаемся специально на норманистских взглядах Амманна: они традиционны в «трудах» подобного рода.

⁵ Не напрасно немецкая критика отмечала, что «научное значение» работы Амманна «основано прежде всего на показе истории восточнобалтийских стран» (см. рецензию Stadtmüller G. B. «Byzantinische Zeitschrift». Bd. 37, S. 442. 1937).

⁶ А m m a n n А. Указ. соч., стр. 210.

⁷ Там же, стр. 211; ср. стр. 27.

⁸ Там же, стр. 229.

⁹ Там же, стр. 232.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 444.

ограничился решением «укрепить подступы к христианскому миру»¹¹. Именно с этого времени «папская политика по отношению к России поневоле (!) вступила в новую стадию»¹².

В отличие от своих предшественников А. М. Амманн вовсе не идеализирует отношений курии к Руси. Он говорит: «Папа ни в коей мере не намеревался ставить под сомнение завоевания восточного христианского государства (т. е. Ордена. — В. П.). Ему хотелось объединить на борьбу против татар всех христиан Европы — безразлично, какого бы религиозного обряда они ни были. Только татарская угроза (буквально «нужда») вынудила его уделить своё особое внимание европейскому Востоку, как делу всего христианства»¹³.

О «борьбе» против татар мы скажем ниже, сейчас же приведём ещё одно замечание А. М. Амманна: «Россия стала предпольем европейской крепости в оборонительном сражении с татарами», поэтому «не могли быть более целью церковные стремления — приобрести, хотя бы и силой, русские области для Запада и латинства», ибо это значило «сделать себя врагами остальной, большей части православного мира»¹⁴. Предпочтительнее была дружба. Однако «дружба» с Русью никак не получалась. Папа предполагал, говорит Амманн, «включить в оборонительный фронт всю Россию», а когда это не удалось, то Иннокентий IV призвал ливонские власти и всех тех, на кого он имел влияние, к борьбе с татарами и их «союзниками», т. е. с русскими¹⁵. Этот взгляд А. М. Амманна не нов — он стал традиционным.

Но если папа так горел желанием организовать свой поход и свой «оборонительный фронт», почему же ему не удалось это сделать? Неужели по вине тогдашних русских и нерусских правителей? Ответа А. М. Амманн не даёт, он лишь утверждает, что активная деятельность курии привела в 1250—1260 гг. «к унии с Римом Литву, с её западнорусскими землями, и Галицко-Волынскую страну»¹⁶, а затем внезапно произошёл разрыв. «Да, — пишет автор, — в трагической (он любит это слово, хорошо скрывающее смысл. — В. П.) путанице обстоятельств произошёл ответный удар враждебному Риму Востока; этот удар хотя и не изгнал латинские западные страны с почвы русской и литовской (в книге ошибочно «латинской». — В. П.) сферы влияния, но он, однако... predetermined в религиозном отношении судьбу северной России и с нею всех земель, которые она впоследствии будет «собирать»¹⁷.

Вот и всё, что нашёл нужным сказать А. М. Амманн, а ведь он имел доступ в ватиканский архив, где ещё многие документы по этому вопросу ждут своего опубликования. Но даже и изданные материалы позволяют немного приподнять завесу над сущностью папской дипломатии на Востоке, завесу, которую А. М. Амманн постарался задёрнуть как можно плотнее.

Не случайно, разумеется, А. М. Амманну были предоставлены страницы крупного католического исторического издания в Риме: его книга является образцом профашистской, антиславянской католической пропаганды; в ней фальсифицирована как история папства, так и история Руси, Литвы и Прибалтики.

I

Проблема взаимоотношений Руси с римской курией в XIII в. может быть правильно поставлена и освещена лишь в широком международном плане.

¹¹ Амманн А. Указ. соч., стр. 251.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 261.

¹⁴ Там же, стр. 251.

¹⁵ Там же, стр. 26.

¹⁶ Там же, стр. 253.

¹⁷ Там же.

XIII век в Западной Европе — это период расцвета политического могущества папства, которое вело ожесточённую борьбу с империей, стремясь утвердить свою власть. Именно в связи с этой борьбой, преследуя интересы и политики и фиска, римская курия развернула широкое наступление под флагом воинствующего католицизма на те страны Восточной Европы, которые не признавали церковной власти курии, как страны языческие либо подчинённые византийской православной церковной юрисдикции. Особое внимание курии должна была привлечь Русь, имевшая устойчивые позиции в языческой Прибалтике (земля ливов, Толова, Летгаллия), Карелии, Литве и даже в Польше (Мазовия).

Нужно признать, что курия добилась в этой политике известных результатов. В 1201 г. немецкие крестоносцы, направляемые папским эмиссаром епископом Альбертом, утвердились в Риге, на берегах Двины и развернули кровавую войну за захват земель ливов, эстов, курон и ряда литовских племён с целью создания здесь своих феодальных колоний.

Тогда же в другой части Восточной Европы произошли не менее значительные события: в 1204 г. пал захваченный католическими крестоносцами Константинополь, на развалинах которого крестоносные феодалы создали так называемую Латинскую империю; византийское правительство и патриарх перебрались в Никею, где возникла так называемая Никейская империя. При этом римская курия, ссылаясь на то, что центр православной церкви пал¹⁸, прилагала все усилия для вовлечения Юго-Западной и Северо-Западной Руси в церковную унию с целью латинизации русских земель, что должно было облегчить последующее завоевание их крестоносцами. Однако русские князья, видимо, хорошо представляли себе значение крестоносного католицизма, поэтому они продолжали сохранять подчинение русской церкви греческому (никейскому) патриарху. Курия не оставляла своих планов и пользовалась рядом попыток завоевания Руси со стороны венгров, немцев, шведов, датчан для проникновения на Русь.

Татаро-монгольское нашествие лишь усложнило эту политику, но отнюдь не отменило её. Татаро-монгольское владычество над Русью, татарская угроза странам Восточной Европы, признававшим церковную власть папы (Венгрия, Польша, Чехия, отчасти Прибалтика), возможность сближения с татарами врагов курии — Никейской империи и германских императоров, — участие татар в войне с сарацинами (турками-сельджуками) на Ближнем Востоке, где последние грозили приобретениям, сделанным католическими крестоносцами в «святой земле», — всё это определило исключительную заинтересованность папской курии в урегулировании отношений с татаро-монголами.

Таков в самых общих чертах тот исторический фон, на котором вырисовываются взаимоотношения Руси с римской курией.

В Восточной Прибалтике римская курия, поддерживая крестоносцев, должна была серьёзно считаться с двумя противниками: Северо-Западной Русью и Литвой.

В течение всего XIII в. борьба складывающегося Великого княжества Литовского против немецких крестоносцев была тесно связана с борьбой против них русских княжеств; Литва наряду с Русью являлась одним из основных противников крестоносцев. Об этом ясно говорят источники¹⁹, это видно и из хода борьбы. В Восточной Прибалтике крестоносцы продвигались сравнительно быстро до 1224 г., когда пал Юрьев. Но их попытки проникнуть далее, в русские земли, а также подчинить племена,

¹⁸ *Historica Russiae Monumenta*, ed. A. J. Turgenev. СПб. 1841 (в дальнейшем — HRM). Т. I, № 3 (1207 г.).

¹⁹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М. 1938. XIII. 4 (в дальнейшем — ГЛ). *Livländische Reimchronik*, ed. L. Meyer, Padeborn. 1876 (в дальнейшем — LR). S. 8.

тесно связанные с Литвой (куроны, семигаллы), и литовское племя пруссов принесли им серьёзные разочарования. Наступление на Литву привело к разгрому при Шавлях (1236), проникновение в Юго-Западную Русь²⁰ — к поражению в Дорогичине (1237)²¹, но особенно жестокие удары были нанесены немецким и шведским крестоносцам со стороны Северо-Западной Руси. Победы русских войск над немецкими крестоносцами сыграли решающую роль в успешной борьбе Великого княжества Литовского за независимость.

Римская курия добивалась установления полной торговой блокады Литвы²² и Руси, включая блокаду с севера (со стороны Карелии и Швеции)²³, и препятствовала мирным соглашениям с русскими²⁴; она долго готовила вторжение на Русь шведских крестоносцев²⁵ и оказывала постоянную помощь немецким крестоносцам²⁶, тем не менее развёрнутое вскоре после татаро-монгольского нашествия наступление на Русь с севера и с запада поставило политику папской курии в Восточной Прибалтике на грань полного краха.

Руководимые князем Александром Ярославичем русские войска разбили шведов на Неве в 1240 г.²⁷; в 1241 г. вспыхнуло восстание на острове Эзель²⁸; в 1242 г. на льду Чудского озера произошло одно из крупнейших сражений раннего средневековья; в этом сражении ливонцы подверглись сокрушительному разгрому — 400 рыцарей были убиты, а 50 попали в плен²⁹. Впервые в международной истории был положен предел немецкому продвижению на Восток.

В Куронию, где к этому времени немцы сумели продвинуться, построив и заняв ряд замков (Гольдинген, Амботен, Виндава, Ангермюнде и др.) и создав угрозу Южной Жмуди, по призыву местного населения пришёл «der Littowen kunic rich» Миндовг с 30-тысячным войском, кото-

²⁰ Preussisches Urkundendenbuch (в дальнейшем — PU). (Politische Abteilung, ed. Philippi. Bd. I. I. Königsberg. 1882; Bd. I. 2. ed Seraphim. Königsberg. 1909), I, I, № 126.

²¹ ПСРЛ. Т. II. СПб. 1908, стб. 776.

²² Паицго В. Хозяйство и техника средневековой Литвы. «Вопросы истории» № 8 за 1947 г., стр. 79.

²³ Diplomatarium Suecanum (Svenskt Diplomatarium), ed. Liljegen J. Stockholm. 1829 (в дальнейшем — DS), t. I, № 206 (1221), 250, 253 (1229), 254 (1230); ср. Regesta Pontificum Romanorum, ed. A. Potthast, t. I—II. Berlin. 1874—1875 (в дальнейшем — RPR), №№ 6482, 8327, 8340.

²⁴ HRM, I. № 28, (1231).

²⁵ Liv-Est — und Kurländisches Urkundenbuch, ed. F. Bunge, t. I, Reval, 1853 (в дальнейшем — LU), № 128, (1232); DS, t. I, № 298; RPR, № 10486 (1237).

²⁶ Из источников хорошо известно, что между епископом рижским Альбертом (а позднее его преемниками) и Орденом шла ожесточённая борьба за земли. Известно, далее, что и епископ и Орден, нуждаясь в пополнении своих вооружённых сил, вступали в соглашения с германскими императорами, враждебными курии, и признавали себя их ленниками; так, епископ рижский Альберт в 1207 г. (ГЛ. X, 17; XI, 3), епископ дерптский и левальский Генрих в 1224 г. (LU, № 64; VI, Reg., p. 4 ad. 74, 77, 78) стали фактически князьями империи; с другой стороны, и Орден получал от германских императоров устойчивое покровительство в тех же формах (LU, I, № 19, 1222 — Оттон IV признал права Ордена на земли вне Ливонии; PU, I, № 52 — в 1224 г. Фридрих II взял под защиту всех «вновь обращённых» в Ливонии, Эстонии, Самбии, Пруссии, Семигаллии); LU, I, № 185 — в 1245 г. Фридрих II «дал» Ордену Куронию, Литву (!), Семигалию. Папство, в свою очередь, постоянно начиная с 1210 г. (ZU, I, №№ 16, 17 — папа признал права Ордена на одну треть Ливонии), регулировало споры епископов и Ордена из-за земли. Борьба между епископом Альбертом и магистром Волковином осложнялась вмешательством датских феодалов, которые обосновались в Эстонии, где их права на часть земель были признаны Орденом по договору в Стенби (1238 г.) (LU, I, № 160). Доходило до того, что в Ервене, например, язычников, крещёных рижским епископом, датские феодалы перекрещивали от имени своей власти (ГЛ. XXIV, 2), требуя и своей доли местных земель и доходов. Так как продолжалась борьба империи с папством, то враждовавшие между собой епископы и магистры искали помощи у обеих сторон.

²⁷ Новгородская 1-я летопись, стр. 252—258. СПб. 1888.

²⁸ Hermannii Wartberge. Chronicon Livoniae помещена в Scriptores Rerum Prussicarum, t. II, Lpz. 1863, p. 38.

²⁹ Новгородская 1-я летопись, стр. 261.

рый развернул операции в районе Амботена. Миндовг, говорит немецкий хронист, «очень ненавидел крестоносцев»³⁰; война затянулась надолго.

Тогда же, в 1242 г., славянский князь Святополк Поморский, женатый на сестре галицко-волинского князя Даниила³¹, поднял восстание среди пруссов; он получил помощь от Миндовга³² и вторгся в Кульмскую область. Начатая им война продолжалась до середины 50-х годов XIII в., когда крестоносцам с помощью Пшемисла II чешского удалось подавить восстание и заложить крепость Кролевец (Кенигсберг).

Так, решающий удар, нанесённый крестоносцам войсками Александра Невского, отозвался по всей Прибалтике, потрясая до основания и Ливонский и Прусский ордена.

Папу весьма тревожили дела в Прибалтике; он собирал крестоносные силы для Ливонии и Пруссии³³; обязал местных епископов помогать Ордену «советом и делом»³⁴; тщательно укреплял здесь свою церковную администрацию. В 1245 г. он отправил в Пруссию легата Опизо, аббата из Месаны³⁵; в следующем году сюда был прислан Альберт Суербер, ближайший сподвижник папы, «муж, близкий нашему сердцу», как называл его Иннокентий IV; он получил назначение архиепископом Пруссии, Ливонии, Эстонии, Семигаллии и Куронии³⁶; кроме того Альберту были присвоены права легата — *in partibus Russiae*³⁷.

В 1247 г., чтобы разгрузить епископа от прусских дел, папа Иннокентий IV послал в Пруссию специального легата архидиакона Якова из Люгтixa, будущего папу Александра IV³⁸. После смерти епископа рижского Николая (1253) папа решил ещё прочнее подчинить себе местную церковь и сделал в 1255 г. того же Альберта архиепископом рижским³⁹.

Папская курия предпринимала энергичные дипломатические действия в Северо-Западной Руси⁴⁰, но потерпела неудачу: князь Александр Ярославич, понимая, что надо поддерживать мир с золотоордынскими ханами, бороться с которыми в тогдашних условиях было невозможно, понимая агрессивную сущность дипломатических маневров курии, отказался от сближения с нею.

Этот шаг был следствием сознательной политики князя Александра, а не его «отвращения к Западу», как пытается утверждать А. М. Амманн⁴¹. Александр Ярославич вовсе не порвал связей с католическими странами: так, после событий 1240—1242 гг. он заключил договор с Норвегией⁴², собирався женить своего сына Василия на Христине, дочери норвежского короля Хокона⁴³, оформлял договоры с немцами⁴⁴, принимал посольства, шедшие с Севера и Запада, и отвечал на папские послания к нему⁴⁵.

Между тем в конце 40-х годов XIII в. великий князь литовский Миндовг пришёл к мысли воспользоваться ослаблением немецкого натиска и сделать территориальные приобретения за счёт Руси. Он нарушил мирный

³⁰ См. LR, S. 57.

³¹ См. Baumgarten N. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle*. *Orientalia Christiana*, vol. IX—I, № 35, Maio 1927. Roma. Table XI, p. 47, № 3. Работа в целом нуждается в специальной критике.

³² PU, I, I, № 160—162.

³³ PU, I, I, № 146 (1243); LU, I, № 174 (1243).

³⁴ LU, I, № 184 (1245).

³⁵ PU, I, I, № 171.

³⁶ LU, I, № 188 (1246).

³⁷ LU, I, № 191 (1246).

³⁸ PU, I, I, № 195.

³⁹ LU, I, № 279.

⁴⁰ HRM, I, № 78 (1248). Новгородская 1-я летопись, стр. 272 под 1252 годом.

⁴¹ Амманн А. Указ. соч., стр. 211; ср. стр. 27.

⁴² Шаскольский И. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки» АН СССР № 14 за 1945 г., стр. 60.

⁴³ Шаскольский И. «Посольство Александра Невского в Норвегию». «Вопросы истории» № 1 за 1945 г., стр. 112—116.

⁴⁴ См. Напьерский К. Русско-ливонские акты. СПб. 1868, № 16 (1262 г.).

⁴⁵ Новгородская 1-я летопись, стр. 273 («списа к нему»)

договор 1219 г., заключённый союзом литовских князей⁴⁶ с Волынью, хотя этот договор в течение длительного времени обеспечивал литовскому князю спокойный тыл в борьбе с крестоносцами, а волынским князьям — в их борьбе за Галичину. На это князь Даниил ответил союзом с Ригой⁴⁷, вторгся в Чёрную Русь, поднял против Миндовга жмудских князей, нанёс литовскому князю ряд поражений и принудил его к миру, получив при этом Чёрную Русь⁴⁸ и одну треть Судавии (земли ятвягов)⁴⁹.

В ходе войны Миндовг попал в весьма трудное положение. Но он учёл, что соглашение галицко-волынского князя Даниила с епископом рижским Николаем и бюргерством не может быть приятно Ордену⁵⁰. Литовский князь связался с магистром Андреем Стирландом, предлагая ему своё согласие на принятие унии, следствием чего явился бы выход Риги из войны. Миндовг подкупил магистра: «Убеди и дарми многими»⁵¹. Чтобы сделка выглядела официально, магистр настоял на отправке литовских послов к папе. Вскоре⁵² Андрей Стирланд при содействии епископа Генриха Хельминского короновал Миндовга изготовленной в Риге короной. Это соглашение, достигнутое без участия рижского капитула и архиепископа Альберта, хотя и было утверждено папой, вызвало скандал и окончилось изгнанием магистра Андрея⁵³.

Из изложенного видно, что это дело не имело ничего общего с помощью папской курии князю Даниилу Романовичу, как утверждал К. Уминский.

И была ли это уния? Нет, это был дипломатический маневр со стороны Миндовга, о чём прекрасно знали в Холме: «Крещение же его лъстиво бысть»⁵⁴. Папская курия, конечно, стремилась сделать унию реальной. В 1251 г. папа взял под опеку св. Петра Миндовга с владениями, которые тот имеет или приобретёт (война с Юго-Западной Русью ведь продолжалась)⁵⁵; поручил его заботам почти всех своих прибалтийских епископов⁵⁶.

Как долго длилась эта «уния»? Формально до 1260 г., когда после блестящей победы над ливонскими, прусскими и датскими крестоносцами при озере Дурбе⁵⁷ князь Миндовг отрёкся «от христианской язвы»⁵⁸. По существу же Миндовг не прекращал борьбы: он, например, оказывал помощь жмудинам в их войне с Орденом⁵⁹. Папа стремился союзом с Литвой воздействовать на политику Руси; поэтому в 1255 г. папа Александр IV утвердил за Миндовгом все завоёванные последним русские земли, так как, по мнению папы, «завоеванием этих земель он (Миндовг.— В. П.) служил святой вере»⁶⁰.

Можно думать, что татаро-монгольское вторжение в Литву в 1258 г.⁶¹ ускорило разрыв Миндовга с курией. В 1260 г. литовский князь

⁴⁶ А не полоцкими — литовско-русскими князьями, как утверждает А. М. Аманжол. Указ. соч., стр. 263.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. II, стб. 816. СПб. 1908.

⁴⁸ Там же, стб. 838.

⁴⁹ Его право на эту землю признал и Орден (вице-ландмейстер Пруссии Бургард фон Горнгузен) — Codex Diplomaticus Poloniae, t. III, № 30, p. 63—64. Varsaviae, 1858.

⁵⁰ См. Пресняков А. Лекции по русской истории. Т. II, вып. 1-й, стр. 50. М. 1939.

⁵¹ ПСРЛ. Т. II, стб. 816—817.

⁵² См. HRM, I, № 84—87 (1251).

⁵³ ПСРЛ. Т. II, стб. 817.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ HRM, I, № 82 (1251).

⁵⁶ Кульмского (HRM, I, № 84, 85), рижского, дерптского, эзельского (LU, I, № 226). (1251), курляндского (LU, I, № 225).

⁵⁷ LR, S. 129.

⁵⁸ Архив Маркса и Энгельса. V, стр. 344. 1938.

⁵⁹ LR, S. 113; ср. S. 146—147.

⁶⁰ Theiner A. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae Gentiumque Finitimarum Historiam Illustrantia, t. I. № 123. Romae. 1860.

⁶¹ Новгородская 1-я летопись, стр. 279 (под 1258 г.).

полностью порвал с ней: он возглавил борьбу восставшей Жмуди⁶², перебили или пленил католиков, бывших при его дворе⁶³. За событиями в Литве, видимо, внимательно следил князь Александр Невский. Владимиро-суздальский князь прислал посольство к Миндовгу и обещал ему большую помощь⁶⁴. Князья Александр и Миндовг наметили провести большой совместный поход в Восточную Прибалтику; Ливонскому ордену грозил полный разгром. Но по вине жмудского князя Тройната литовские войска выступили преждевременно, и русские полки, хотя и «очень спешили»⁶⁵, но пришли уже после отхода литовских войск. Поэтому оба похода не дали желаемых результатов. В дальнейшем в течение всего XIII в. Великое княжество Литовское продолжало напряжённую и успешную борьбу с Ливонским и Прусским орденами, которые в 80-х годах утвердились в землях семигаллов, пруссов и ятвягов. Следовательно, то, что А. М. Амманн именует унией, было не более, чем дипломатическим приёмом, который дал Миндовгу известные внешнеполитические преимущества, но не оставил никаких прочных следов в истории Литвы той поры.

Во второй половине XIII в. борьба великого княжества Литовского с немецкими крестоносцами продолжалась; при этом последние не раз терпели жестокие поражения, например, при Карузене (1269), при Ашерадене (1279) и т. п. В этих битвах пало много (до тысячи) рыцарей⁶⁶. Доходило до того, что назначаемые магистры (например, Конрад Фейхтванген, Куно Гацингенштейн) отказывались ехать в Ливонию⁶⁷, где им не давали долго заживаться.

Тем более неверным представляется утверждение Г. Ловмянского, что именно в эти годы «унии» «немецкие силы» создали прочное литовское государство⁶⁸. Нет нужды говорить о том, что работа Г. Ловмянского была одобрена А. М. Амманном, который называет её «весьма достойной работой»⁶⁹. Не говоря уже о том, что возникновение государства есть результат внутреннего социально-экономического процесса, как могли эти «силы» создать то, что уже существовало и достаточно ясно заявило о своём существовании договором 1219 г., битвой при Шавлях 1236 г., коронаванием великого князя Миндовга 1251 года.

Древнелитовское государство сложилось при Миндовге, который, имея опору в русских землях и большой дружине, силой подчинял местных князей (налышанских, дяволтских, жмудских и др.), одновременно возглавляя борьбу литовских племён против крестоносцев.

В Юго-Западной Руси курия старалась для укрепления своих позиций использовать военные мероприятия венгерских королей. Одна из таких попыток отражена в источниках. Когда венгерский король Андрей II, пользуясь поддержкой части галицкого боярства, на время захватил Галичину и посадил в Галиче своего сына Коломана королём, то он решил упрочить его весьма шаткое положение коронацией. С этой целью Андрей II обратился к папе Иннокентию III с просьбой поручить остригомскому архиепископу Иоанну короновать Коломана, суля папе проведение унии⁷⁰. «Надлежит знать, ваша святость, — не смущаясь, писал Андрей II, — что вельможи и народ (*principes et populus*) Галиции, подчинённый нашей власти покорно нас просили, чтобы мы поставили им королём нашего сына Коломана, что желают на будущее (впредь) оставаться в единении и послушании у святой

⁶² LR, S. 146.

⁶³ LR, S. 148.

⁶⁴ LR, S. 148; ср. Новгородскую 1-ю летопись, стр. 281 (под 1262 г.).

⁶⁵ LR, S. 152.

⁶⁶ LU, I, № 314; ср. LU, VI, № 407-а.

⁶⁷ LR, S. 249; ср. S. 196.

⁶⁸ L o w m i a n s k i Н. Указ. соч. Т. II, стр. 282.

⁶⁹ A m m a n n А. Указ. соч., стр. 267, прим. 2.

⁷⁰ Об унии в Юго-Западной Руси папа мечтал ещё в 1207 г. (см. RPR, №№ 3195, 3196).

римской церкви, притом, однако, что будет им позволено не покидать своего собственного (греческого) обряда»⁷¹. Зимой 1215 г. Коломан был коронован.

Захватчики чинили жестокий грабёж в стране и преследовали русскую веру, как записано в Киевской летописи: «Король угорский посади сына своего в Галиче, а епископа и попы изгна из церкви, а свои попы приведе латинские на службу»⁷². Но уже в 1215 г. в стране началось народное восстание против преступной политики бояр и грабежа захватчиков; оно приняло такой размах, что король Андрей не рискнул отпустить в Галич легата, присланного папой, и вернул его в Рим.

Сам Андрей II, двигаясь с войском к Галичу, с пути писал папе, что «галицкий народ не только выступил против своего короля, нарушил присягу, но и, собрав войско от соседних русских, обложил галицкий замок, где пребывал наш сын с малым гарнизоном»⁷³. Дело кончилось полным разгромом венгерских войск и занятием Галича князем Мстиславом Удалым⁷⁴.

Нужно иметь очень пылкую фантазию, чтобы этот эпизод венгерской оккупационной политики именовать унией. Даже М. Чубатый писал, что «перша церковна уния в Галичині була історичною есемеридою» и добавлял, что её «уроджене і смерть припадають майже на той самий день»; правда, униатский пыл заставил его всё же утверждать, что уния «була в сім часі фактом»⁷⁵. Но ведь признание такого «факта» хуже, чем отрицание всякого факта.

Дипломатические связи папства с Юго-Западной Русью нам известны лучше благодаря работам украинских буржуазных историков Н. П. Дашкевича⁷⁶ и М. С. Грушевского⁷⁷. Папская курия стремилась не только проникнуть в Юго-Западную Русь с помощью венгерских войск: она также старалась изолировать её от стран на Западе; особенно была она заинтересована в ослаблении русского влияния в Мазовии и Куявии, союзных Волыни и соседних немецким крестоносцам.

Курия запрещала полякам браки с русскими⁷⁸, приглашение русских князей на помощь⁷⁹, следила за эмиграцией из Польши в Русь⁸⁰, наблюдала за тем, чтобы латиняне, проживавшие в русских землях (а такие имелись, особенно на русско-польской забужской «Украине»), не теряли католической веры⁸¹ и т. д.

В эти годы курия активизировала деятельность своих эмиссаров и во внутренней Руси, что, однако, вызвало отпор со стороны русских князей. Так, киевский князь Владимир Рюрикович изгнал около 1233 г. папских агентов из Киева⁸², где они сосредоточивались в монастыре Марии, в Копырёвском конце; в ответ на это папа выслал охранительную грамоту ольдермену латинских купцов в Киеве Ульриху и поручил опеку над

⁷¹ *Vetere Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia*, ed. A. Theiner, t. I, № I, Romae, 1859.

⁷² ПСРЛ. Т. VII, стр. 119.

⁷³ *Monumenta Poloniae Vaticana*, ed. J. Ptasnik, t. III, № 3, Cracoviae, 1914.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. II, стр. 732.

⁷⁵ Чубатый М. Указ. соч., стр. 25.

⁷⁶ Дашкевич Н. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии Руси с католичеством. «Известия» Киевского университета № 8 за 1884 г., стр. 136—181 (см. стр. 137). «Нельзя обвинять папу. Он, видимо, старался возбудить поход против татар».

⁷⁷ Грушевский М. История Украины — Руси. Т. III, стр. 68—73. Львов. 1905.

⁷⁸ HRM, I, № 34 (1231 г.).

⁷⁹ HRM, I, № 36 (1232 г.).

⁸⁰ HRM, I, № 35 (1232 г.).

⁸¹ *Akta grodzkie i ziemskie*, ed. A. Stadnicki, t. VII, I. Lwów. 1878. С этим связана организация «русского» епископства в Опатове (1232—1233); около 1240 г. юрисдикция этого «епископства» перешла к любускому епископу в Шлезке.

⁸² *Diugossii. Historiae Polonicae*, ed. A. Przedziecki, t. II, lib. VI, p. 240. Cracoviae. 1873; ср. Е. Голубинский. История русской церкви. М. Т. I, 2, стр. 808, прим. 3.

⁸³ HRM, I, №№ 39 и 40 (1234 г.). См. Шайтан М. Германия и Киев в XI в. Летопись. Пост. истор. археогр. комис., вып. 1-й (34), стр. 24. Л. 1927.

католиками, проживавшими в Киеве, Сандомирскому капитулу⁸³. Несколько позднее владимирский князь Юрий Всеволодович изгнал из своего княжества венгерских доминиканцев, ведущих проповедь среди язычников-угров⁸⁴.

Не приходится удивляться тому, что после татаро-монгольского нашествия, когда князь Даниил Романович стал «мирником» татар⁸⁵ Золотой Орды, чем очень обеспокоил венгерского короля Белу IV⁸⁶, римская курия возобновила свои происки в Юго-Западной Руси. Удобный случай представился во время миссии францисканца Иоанна Платано-Карпини, отправленного папой Иннокентием IV к татаро-монголам после Лионского собора⁸⁷. Проезжая осенью 1245 г. эти края, Карпини установил связь с владимирским княжеским двором, ознакомив князя Василько с содержанием папской буллы от 25 марта 1245 г.⁸⁸, призывавшей всех государей укрепляться на случай нового наступления татар. Видимо, тогда же Карпини послал папе извещение об открывшихся переговорах с местными князьями.

На пути в Золотую Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с князем Даниилом Романовичем, возвращавшимся от Бату. Он поставил князя в известность о возможности дипломатических переговоров с курией, и князь, прибыв в Холм, послал своего представителя к папе⁸⁹. Между тем папа, получив сообщения от Карпини, отправил на Русь свои буллы. В один день из папской канцелярии вышло 6 посланий на Русь⁹⁰; три из них были обращены к князьям Юго-Западной Руси; папа брал Юго-Западную Русь под «опеку» св. Петра⁹¹, извещал, что выслал на Русь двух доминиканцев, братьев Алексея и Генриха⁹²; в следующей булле он сообщал, что направляет архиепископа прусского Альберта (Суербера) легатом для искоренения «греческих заблуждений» и просил поддерживать его в этом, а также служить Альберту советом в татарских делах⁹³.

В папских посланиях нет и речи об организации борьбы против татаро-монголов; упор же сделан на необходимость латинизации русской церкви. Папа предоставил Альберту право поставлять епископов для Руси⁹⁴, поручил ему дело реформы церкви в Юго-Западной Руси⁹⁵. Исследователи приходят к выводу, что Альберт не ездил на Русь, ибо, пока булла пришла к адресату, посольство от князя Даниила уже выехало в Лион (в июне 1247 г.)⁹⁶, куда и прибыло через два месяца.

Возглавлял посольство игумен монастыря горы св. Даниила Григорий. Посольство было принято папой Иннокентием IV, что отметил биограф последнего Николай де Курбио⁹⁷. Деловое содержание переговоров нам неизвестно, но из последующих событий и документов можно установить, что русская сторона показала желание холмского двора приступить к организации антитатарской борьбы и в то же время вовсе не

⁸⁴ См. Аннинский С. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. «Исторический архив». Т. III, стр. 89. М.-Л. 1940. Быть может, с князем Юрием связан документ от 1231 г. (HRM, I, № 33).

⁸⁵ ПСРЛ. Т. II, стб. 848.

⁸⁶ Там же, стб. 809.

⁸⁷ Томашивский. Ст. Указ. соч., стр. 246.

⁸⁸ RPR, № 11613 (1245 г.)

⁸⁹ См. Малеев А. Иоанн де Платано-Карпини. История монголов; Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 61. СПб. 1910 (в дальнейшем соответственно — Карпини или Рубрук).

⁹⁰ RPR, № 12093—12098; ср. № 12101.

⁹¹ HRM, I, № 62.

⁹² HRM, I, № 63.

⁹³ HRM, I, № 65; ср. LU, I, № 191.

⁹⁴ LU, I, № 190.

⁹⁵ HRM, I, № 66.

⁹⁶ Карпини, стр. 61.

⁹⁷ Muratori L. Rerum Italicarum Scriptores, III. Mediolani. 1723, p. 592. (Здесь целью русского посольства выставлена просьба о присылке на Русь легата).

обнаружила склонности расстаться с «греческими заблуждениями». Папская курия, как это видно из булл, иначе истолковывала характер намечавшегося соглашения. Но Юго-Западная Русь — не Ливония, и папе приходилось идти на серьёзные уступки. Курия признала неприкосновенность греческого обряда православной литургии⁹⁸, при этом папа грозил церковными карами тем, кто нарушит это постановление.

В сношениях с русскими князьями папа спекулировал на тех переговорах, которые он в это время вёл с никейским императором о возможной унии церквей. Позднее холмский епископ Иван, работая в княжеском архиве, просматривал дипломатические документы переговоров князей с курией и внёс в летопись своё общее впечатление от них: «Некентий бо кляняше тех хулящим веру грецкую правоверную и хотящоу ему съборъ сътворити о правой вере о воединении церкви»⁹⁹.

Папа пытался достичь и каких-то результатов: он поручил архиепископу Альберту ехать на Русь принять присягу от князей, бояр и духовенства на верность римской церкви, огласить в русских землях акт об унии¹⁰⁰ и дал ряд других указаний¹⁰¹. Таким образом проводилась подготовка унии.

Со своей стороны, князь Даниил Романович сумел извлечь ряд политических выгод уже в ходе этих переговоров: распространение на его земли опеки папского престола¹⁰² означало номинальное аннулирование пресловутых претензий венгерских королей на Галичину; признание за югозападными князьями земель, на которые они когда-либо имели права¹⁰³, означало юридическое равенство возможностей для русских князей при колонизации ятвяжских земель (Судавии); возможно, впрочем, что этот документ имел более широкое значение, приглашая волынского князя к выступлению против Литвы. Кроме того папа запрещал (номинально, разумеется) немецким рыцарям и членам других монашеских орденов селиться без разрешения Романовичей в их землях¹⁰⁴ — это, вероятно, должно было предотвратить инциденты, подобные дорогичинскому.

Как видим, холмский двор проделал большую дипломатическую работу. Не может быть сомнений, что в ту пору, когда позиции крестоносцев находились под угрозой, курия была заинтересована найти в Юго-Западной Руси если не союзника, то хотя бы нейтрала в борьбе с Литвой. Что касается татарского вопроса, то имеется лишь одна булла от конца июня 1248 г., в которой папа писал князю Даниилу, прося его извещать крестоносцев о наступлении татар с тем, чтобы он мог принять надлежащие меры¹⁰⁵ для обороны; аналогичные буллы папа отправил Александру Невскому¹⁰⁶ и крестоносцам¹⁰⁷.

Но все отмеченные мероприятия не имели, с точки зрения борьбы против татар, никакого реального значения, и князь Даниил это знал, ибо имел связи и в Риге, и в Кракове, и в Мазовии, и в Поморье. Не удивительно поэтому, что князь Даниил, получив от переговоров возможные выгоды, прервал их около 1248 года. Об этом чётко говорит летопись: «Прислал (Иннокентий IV. — В. П.) к нему (Даниилу. — В. П.) пискупа Береньского и Каменецького, река ему: «Приими венец королевства», —

⁹⁸ HRM, I, № 68.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. II, стб. 827, как видим, ошибался В. Норден, утверждая, что переговоры курии с князьями не касались общих вопросов унии (Norden W. Das Papstum und Byzanz, S. 362. Anmerk. I. Berlin, 1903).

¹⁰⁰ HRM, I, № 72.

¹⁰¹ HRM, I, №№ 70, 71, 73.

¹⁰² HRM, I, № 72; ср. № 62.

¹⁰³ HRM, I, № 67.

¹⁰⁴ HRM, I, № 69 (1247).

¹⁰⁵ HRM, I, № 77.

¹⁰⁶ HRM, I, № 78.

¹⁰⁷ HRM, I, № 79.

но князь отказался, заявив: «Рать татарьская не престаеьт зле живуци с нами, то како могу прияти венечь бес помощи твоей»¹⁰⁸, т. е. князь не хотел принимать обязательств, могущих вызвать разрыв с татаро-монголами. И. Длугош, имевший какой-то документ, связанный с этим событием, сообщает, что князь Даниил «папского легата («Альберта», ставит Длугош по догадке) отпустил без чести»¹⁰⁹. Так кончилась эта попытка активизировать папскую политику в Юго-Западной Руси.

Однако курия не сложила оружия и через некоторое время, при новых условиях, завязала сношения с холмским двором. Перерыв в сношениях был довольно долгим (1248—1252 гг.). Инициатива возобновления переговоров принадлежала курии, действовавшей через посредство венгерского короля Бела IV, который писал папе, что «не пожалел труда», чтобы склонить князя Даниила к новым переговорам¹¹⁰.

Миссия венгерского короля облегчалась тем, что в это время татаро-монголы двинули к своим западным границам войска под командованием Куремсы, которому князь Даниил решил не подчиняться, и, заинтересованный в спокойствии на своих западных границах, он был готов начать переговоры с курией. К этому следует добавить, что факт коронации великого князя литовского Миндовга (1251) беспокоил Даниила Романовича, так как ставил его в невыгодные условия при продолжении войны с Литвой. Наконец, последняя причина — это участие князя Даниила в войне за австрийское наследство: союз с курией мог здесь оказаться очень полезным. Заинтересованный в дальнейшем укреплении позиций Юго-Западной Руси в Восточной Европе, а также в возобновлении старинных русских торговых связей на Дунае, князь Даниил счёл нужным вмешаться в войну за австрийское наследство.

Заклучив союзный договор с Белой IV венгерским, а также с Болеславом «Стыдливым» краковским, князь Даниил добился от них признания за своим сыном Романом герцогских прав на Австрию. В первой половине 1252 г. в замке Гимберг, южнее Вены, состоялась свадьба Романа Даниловича с наследницей австрийского престола Гертрудой Баденберг.

Союзники пришли в столкновение с чешским королём Пшемислом II, также претендовавшим на Австрию и нашедшим поддержку у папской курии. Из-за предательского поведения венгерского короля Роман Данилович был вынужден с небольшим гарнизоном выдерживать длительную осаду войск Пшемисла II.

Попытка князя Даниила Романовича помочь сыну русско-польским вторжением через Силезию в Моравию в 1253 г. не достигла цели: малопольские князья, опасаясь усиления русского князя, вели себя в походе пассивно, поэтому войска лишь разорили окрестности Опавы и Глубчицы, заняли Нассидель, подчинили крепость Фулштейн, взяли много пленных и оставили Моравию¹¹¹; вскоре и князь Роман Данилович покинул Австрию.

На пути из чешского похода в малопольской столице Кракове папские послы поджидали князя Даниила. Но князь, рассерженный на своих союзников, не пожелал вести переговоры в Кракове и отказался принять послов Иннокентия IV, «рече им: «Не подобает ми видитися с вами чюжен земли»¹¹². Когда позднее папское посольство во главе с легатом папы Описо из Месаны прибыло в Дорогичин, то и здесь

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. II, стб. 826—827.

¹⁰⁹ Dlugosii, t. II, lib. VII, p. 320.

¹¹⁰ Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis, ed. G. Fejer. T. IV, 2, p. 144. Budaе, 1829 (9 мая 1252 г.).

¹¹¹ См. Флоровский А. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.). Т. I. Prace Slovanskeho ustavu v Praze, sv. XIII. 1935, стр. 223 и сл.

¹¹² ПСРЛ. Т. II, стб. 826.

князь Даниил решился на принятие короны и скипетра с большими сомнениями: «Опиза же приде, венець неся, обещаваюся яко: «помощь имети от папы», — оному же (т. е. Даниил) однако не хотящоу»¹¹³. На церемонии коронации присутствовали польские князья Болеслав, Семовит, князь Василько и вся знать. Это произошло около 1254 года.

Конечно, не случайно князь Даниил короновался именно в Дорогичине; этим он подчеркнул свои права в глазах крестоносцев и Литвы, с которой лишь недавно успешно закончил войну. На этот раз галицко-волынский князь принял корону, не боясь осложнений с татарами, ибо твёрдо решил дать отпор войскам Куремсы, «воздвиже рать против татаром»¹¹⁴.

Что же принесло сторонам это оформленное в Дорогичине соглашение? Может быть, теперь союз с папой стал реальной базой борьбы против татар? Факты показывают, что этого не случилось. Ещё в 1253 г. князь Даниил известил курию о приближении татаро-монгольских войск с востока. В ответ последовала булла от 14 мая 1253 г., призывавшая христиан Польши, Чехии, Моравии, Сербии, Поморья и иных соседних народов к походу против татар¹¹⁵. Любопытно, что Швецию, Данию, Орден, немецкие земли папа к походу не звал. Лишь через год он поручил архиепископу Альберту, вернувшемуся в Пруссию, провозгласить поход на татар¹¹⁶.

Но это были только слова, дела выглядят совершенно иначе. Близость татарской опасности сознавалась всеми, и больше других опасался король Бела IV: он писал Иннокентию IV, что ежеминутно ждёт нападения татар и что при этом он «окружён различными неверными народами, в том числе русскими, бродниками, куманами...»¹¹⁷. Как видим, король Бела IV не тешил себя иллюзиями относительно коронации князя Даниила и относил русских попрежнему к «неверным». Впрочем, не следует думать, что эти иллюзии были у курии. Папа действительно спешил помирить между собой Чехию и Венгрию и послал для этой цели специального легата¹¹⁸, но напрасно утверждает К. Уминский, что это было сделано для помощи Руси. Вовсе не татары были у папы на уме, а восставшие прусские племена, против которых (а не против татар!) и двинулся Пшемисл-Отокар II, желавший таким путём заручиться поддержкой курии в овладении Австрией¹¹⁹. Курия шла ему навстречу: папский легат Бернард специально подтвердил чешско-венгерский договор, чтобы успокоить Пшемисла II¹²⁰.

Тевтоны находились в весьма трудном положении и непосредственно искали помощи у Чехии: в конце 1253 г. варминский епископ Ансельм находился в Моравии, где его принимал епископ Оломуцкий¹²¹; приезжал в Прагу и магистр Поппо фон Остерна (1254)¹²². В итоге всего видим поход Пшемисла II совместно с маркграфом бранденбургским Оттоном III на пруссов, поход, позволивший крестоносцам удержаться в этой части Прибалтики. Поход происходил в то время, когда князь Даниил Романович успешно отражал натиск войск Куремсы.

Но если князь Даниил не получил помощи от курии, то и она ничего не добилась от Юго-Западной Руси, как это видно из буллы от

¹¹³ Там же, стб. 827.

¹¹⁴ Там же, стб. 838.

¹¹⁵ HRM, I, № 88.

¹¹⁶ HRM, I, № 90 (17 мая 1254 г.)

¹¹⁷ Vetera Monumenta Historica Hungariam, ed. A. Theiner, t. I, № 440, p. 230 (1254).

¹¹⁸ Fontes Rerum Bohemicarum, t. II, str. 291. Praha. 1874; Codex Diplomaticus et Epistolaris Moraviae, ed. A. Boczek. T. III, №№ 192, 193, Olomucii. 1841.

¹¹⁹ Goll J. Čechy a Prusy ve středověku, S. 20. Praha. 1897.

¹²⁰ Regesta diplomatica nec non Epistolaria Bohemiae et Moraviae, pars. II (1252—1310), ed. J. Emler. Pragae, 1882, № 37 (1254).

¹²¹ Codex diplom. Moraviae, t. III, № 202.

¹²² Goll J. Указ. соч., стр. 20.

13 февраля 1257 г., в которой папа с грустью отмечал, что князь Даниил не исполнил того, что ожидала от него курия¹²³; папа грозил князю церковными карами и «оружием верных». Но не галицко-волынскому князю, справившемуся с Куремсой, было бояться «оружия верных», показавшего всему миру свою слабость на Ближнем Востоке и в Прибалтике.

Юго-Западная Русь надолго ушла из поля влияния курии; на место Куремсы золотоордынский хан прислал большое войско Бурундая, и в следующем, 1258 г. Юго-Западная Русь была полностью включена в орбиту татаро-монгольского властвования.

Уже 5 апреля 1257 г. папа Александр IV (1254—1261) в поручении чешскому францисканскому брату Бартоломею предлагал развернуть проповедь крестового похода в Чехии, Моравии, Польше и Австрии не только против литовцев и ятвягов, но «и русских и других язычников и схизматиков»¹²⁴. В том же году папа дал крестоносцам, воюющим против Руси, те же преимущества, что и сражающимся в Пруссии и Ливонии¹²⁵. А затем папа освободил любуского епископа от посещения русской епархии «по причине обширного протяжения (этой) земли, вероломства её владетелей и злобы обитателей»¹²⁶. Католическая пропаганда потерпела также полную неудачу — это признавали самые пристрасные исследователи¹²⁷.

Следовательно, папская курия потерпела политическую неудачу и в Северо-Западной Руси, и в Литве, и в Юго-Западной Руси; встретила как вооружённый, так и дипломатический отпор; позднее курия столкнулась и с татаро-монголами, установившими своё властвование над Русью.

Случайны ли все эти события? Думается, что нет, и объяснение их заключено в той политике, которую дипломатия Александра Невского проводила в Золотой Орде.

II

Чтобы правильно оценить эту политику, нужно сперва бросить взгляд на те цели, которые преследовала папская курия в Орде. Дело в том, что Латинская империя крестоносцев переживала тяжёлые дни, доставляя массу забот курии: латинянам постоянно угрожала Никея, искавшая против них союза с Болгарией, германским императором Фридрихом II, татарами, половцами и др.

Что касается Болгарии, то хотя папство и привлекло её к унии ещё в 1204 г.¹²⁸, но местный царь Иван Асень II (1218—1241) был связан с Никеей и открыто угрожал латинянам. Папа Григорий IX, стремясь разрушить «союз нечестия»¹²⁹, отлучил Асенья от церкви и стал готовиться против Болгарии крестовый поход с помощью венгерского короля Белы IV¹³⁰.

Таким образом, в Юго-Восточной Европе папство применяло ту же политику, что и в Северо-Восточной. Это, впрочем, не мешало другому болгарскому царю, Константину Асеню (1258—1277), также противопоставить Венгрии свою дружбу с Никейской империей, длившуюся вплоть до падения Латинской империи (1261 г.)¹³¹.

¹²³ HRM, I, № 95; то же Dlugoski J. Lib. VII, p. 401 (под 1266 г.).

¹²⁴ Codex diplom. Moraviae, t. III, № 251.

¹²⁵ PU, I, 2, № 38.

¹²⁶ См. Дашкевич Н. Указ. соч., стр. 175.

¹²⁷ Reifenkugel K. Die Gründung der römisch-katholischen Bistümer in den Territorien Halicz und Wladimir. Archiv für österreichische Geschichte. Bd. 52. Heft I, S. 424. 1875.

¹²⁸ Державин Н. История Болгарии. Т. II, стр. 111—112. М. 1946.

¹²⁹ См. Васильев А. История Византии. Латинское владычество на Востоке, стр. 27. Пгр. 1923.

¹³⁰ Державин Н. Указ. соч., стр. 131.

¹³¹ Никовъ П. Българо-унгарски отношения отъ 1257 до 1277 година. Сборникъ на Българската Академия на науките, кн. XI, стр. 91, 93. София. 1920.

Следовательно, папа не мог быть спокоен за Латинскую империю. Нужно было искать пути, чтобы сдержать Никею, а ещё лучше вовсе сокрушить её и получить к тому же из татарских рук право на управление русской церковью со всеми вытекающими отсюда экономическими и политическими выгодами.

Другое, что беспокоило курию, было опасение возможного военного союза германского императора с Никеей и с татаро-монголами. Хорошо известно, что в конце 30-х годов император Фридрих II завязал дружественные отношения с никейским императором¹³² Иоанном Ватацем (1222—1254); союз двух императоров строился на том, что Фридрих II обещал Никее помочь отвоевать Константинополь у латинян, а Ватац взамен должен был признать Фридриха II своим сюзереном и восстановить единство церквей. Союз был настолько тесным, что в 40-х годах XIII в. греческие войска сражались в Италии на стороне Фридриха II¹³³; следует отметить, что Ватац был женат на Констанции, побочной дочери Фридриха II.

Хотя реальное значение этого союза было невелико, но он вызвал опасения у курии, и последняя нашла средство, чтобы расстроить его. В конце 40-х годов XIII в. курия начала дипломатические переговоры с Никеей об унии церквей. В Никею было отправлено в 1249 г. посольство во главе с легатом Иоанном де Парма¹³⁴. Этими переговорами курия стремилась не только ликвидировать союз двух императоров, но также отвлечь Никею от своих сношений с татарами; наконец, курия пыталась наметить приемлемую форму соглашения на случай падения Латинской империи — соглашения, по которому папа был бы признан духовным владыкой православного мира. Что курия использовала эти переговоры для укрепления своих позиций на Руси, было отмечено выше. У никейского императора были свои причины для начала переговоров. Дело в том, что в это время латинский император Болдуин II в отчаянии в третий раз отправился в Европу просить помощи против Никей и папы и европейских государей; переговоры должны были помешать успеху его миссии.

Всё происходившее, естественно, вызвало недовольство императора Фридриха II. Вот почему мы читаем у А. А. Васильева, что в последние годы Фридрих был обеспокоен завязавшимися отношениями между Никеей и Римом и обменом между ними посольствами, по поводу чего в письме к Ватацу порицал «отеческим образом поведение сына», который «без отцовского совета пожелал отправить посла к папе»; в 1250 г. Фридрих II даже задержал послов Никей к папе¹³⁵. Фридрих II умер в 1250 г., а в 1254 г. дружественные отношения между германским императором и Никеей были лишь воспоминанием¹³⁶.

Нужно отметить, что и из никейско-римских переговоров ничего не вышло. Преемник Ватаца, император Фёдор II (1254—1258), учёл тот факт, что Латинской империи не от кого ожидать помощи в Европе, и в 1255 г. решил прервать переговоры с Римом; к 1256 г. переговоры окончательно заглохли¹³⁷. Таков круг вопросов, интересовавших курию, когда она завязывала дипломатические сношения с татаро-монголами. В пользу именно такой постановки вопроса говорит ещё ряд источников.

Папа Иннокентий IV, едва успев начать свой понтификат (1243—1254), пытался наладить связи с татарами (через Лаврентия Португальского и др.¹³⁸). Лионский собор 1245 г. (спешно созванный в связи главным образом с продолжавшейся борьбой против Фридриха II) уделил внимание татарскому вопросу. На соборе была заслушана информация о

¹³² Norden W. Указ. соч., стр. 362.

¹³³ Vasiliev A. Histoire de l'Empire Byzantin. T. II, p. 203. Paris. 1932.

¹³⁴ Norden W. Указ. соч., стр. 362.

¹³⁵ Там же, стр. 365.

¹³⁶ Васильев А. Указ. соч., стр. 31.

¹³⁷ Cp. Norden W. Указ. соч., стр. 379, 366.

¹³⁸ Monumenta Germaniae Historica Scriptorum, t. XXVIII, p. 258. Hannoverae. 1888.

татарах игумена Петра Акеровича, присланного в Лион черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, искавшим у курии помощи против татар¹³⁰, и было принято официальное решение¹⁴⁰.

В том же году к татаро-монголам отправилось папское посольство во главе с францисканцем Иоанном де Плано-Карпини. Карпини выехал из Лиона в 1245 г., вернулся в Лион в 1247 году. Описание путешествия в Золотую Орду к Бату и в великоханскую ставку составлено им с таким искусством, что основные цели миссии скрыты совершенно. Если бы не его дипломатические сношения с русскими князьями, то можно было бы подумать, что, кроме как о христианском просвещении, он ни о чём и не помышлял, хотя наблюдал за всем.

Впрочем, попытка склонить татарских правителей к принятию католичества тоже преследовала дипломатические цели — это было в духе традиции папской дипломатии. Принятие католичества татаро-монголами сделало бы их союзниками курии и отдало бы подвластные им земли (и в первую очередь Русь) в церковное подчинение папству. Но эта часть дипломатических усилий курии натолкнулась на полную веротерпимость татаро-монголов и, таким образом, не достигла цели. Приходилось действовать обычным дипломатическим путём.

О цели своего приезда Карпини говорит туманно: «напе-де «угодно, чтобы все христиане были друзьями татар и имели мир с ними»¹⁴¹; о второй части этой формулы (которую мы ниже встретим в отчёте другого посла), вытекающей из приведённой: «и были врагами всех врагов христиан» (т. е. Никеи, сарацин, а может быть, и германского императора) — Карпини умолчал¹⁴². Посол сообщил также, что Бату, сидя в трофейном шалаше венгерского короля Белы IV, «читал и внимательно отметил» текст папского послания¹⁴³. Известно, что великий хан Гуюк ответил папе специальным письмом. Карпини пишет, что татары согласились с предложениями папы и выразили готовность отправить послов к нему, но хитрый францисканец уверяет, что он не хотел этого, боясь, что «при виде существующих между нами раздоров и войн они ещё более воодушевятся к походу против нас»¹⁴⁴.

Но что бы ни говорил Карпини, этот, по словам Салимбена, встречавшегося с ним, «приятный, умный, образованный, очень красноречивый, умелый во многих отношениях человек»¹⁴⁵, нам из сообщения английского хрониста XIII в. бенедиктинца Матвея Парижского известно, что в 1248 г. монголы прислали два посольства к папе. Одно посольство могло быть следствием миссии Карпини, а другое — результатом поездки доминиканца Асцелина, отправленного в 1247 г. Иннокентием IV с посольством в составе трёх монахов (Александра, Альберика, Симона) и позднее к ним примкнувшего Гвихарда Кремонского, к татарскому воеводе Байдзун-Найону¹⁴⁶. Это посольство выехало из Аккона берегом Средиземного

¹³⁹ См. Пашуто В. Киевская летопись 1238 года. «Исторические записки» Академии наук. Т. XXVI, стр. 298 и сл.

¹⁴⁰ *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*, t. 23 (1225—1268), p. 627—628, ed. Mansi. Paris — Leipzig. 1903.

¹⁴¹ Карпини, стр. 46.

¹⁴² Сам Иннокентий IV просил татар верить послам «во всё, что с нашей стороны вам будет сказано», и вступить с ними «в полезные переговоры», особенно о том, «что касается мира». «И что ещё предпринять замышляете, всё это откройте нам через наших братьев подробно». Текст см. у Д. Языкова. Собрание путешествий к татарам, стр. 296—298. СПб. 1825.

¹⁴³ Карпини, стр. 49.

¹⁴⁴ Там же, стр. 59.

¹⁴⁵ См. *Relation des Mongoles ou Tatares*, par M. d'Avezac, p. 202. Paris. 1838.

¹⁴⁶ Отчёта об этом посольстве нет. Описание его составил монах Симон из St. Quentin, а современный Асцелину хронист Винцент из Бове включил описание в свою хронику (см. *Biblioteca mundi seu Speculi maioris Vincentii Burgundi praesulis Bellovacensis. Ord. Praed... Tomus quartus, qui Speculum Historiale Inscribitur Duaci* 1624, I. XXXI). См. о ней А. И. Малеин. Энциклопедия Винцентия из Бове. Труды Института книги, документа и письма АН СССР. Т. II, стр. 23—41. Л. 1932. Перевод см.

моря, через Армению и Грузию и у Аракса в Персии встретило воеводу Байдзу-Найона.

Татары считали, что посольство Асцелина прислано с целью разведать силу татарского войска; этого не отрицал и Асцелин, сказавший, что главная его задача — передать папскую грамоту, «хотя не можем не признаться, — добавил он, — чтобы не хотели при этом случае посмотреть на вас и на войско ваше»¹⁴⁷. В свою очередь, татарские чиновники старались «сторожно выведать у монахов, перешли ли уже франки (речь шла о походе короля Людовика IX) в Сирию»¹⁴⁸; татары, утверждает Асцелин, опасались франков и потому, «притворяясь, что примут христианскую веру», вели переговоры, стараясь оттянуть вторжение их в Турцию и в другие свои владения¹⁴⁹.

Воевода Байдзу-Найон предложил послам ехать к Бату¹⁵⁰, особенно он на этом настаивал после ознакомления с переводом папской грамоты¹⁵¹. Когда же послы отказались от поездки к Бату, воевода направил к нему своих посланцев, а Асцелина и его спутников задержал у себя на девять недель в ожидании ответа хана¹⁵², однажды уже писавшего папе¹⁵³. Лишь узнав мнение Бату и получив его грамоту к папе, Байдзу-Найон отпустил послов.

Асцелин возвращался к Иннокентию IV с грамотами от Бату и Байдзу-Найона в сопровождении двух татарских послов (Анбег и Саргис); в этих грамотах татары требовали от папы признания своей власти¹⁵⁴, так думает монах Симон в передаче Винтента из Бове.

Иное о целях татарских посольств 1248 г. говорит Матвей Парижский. В то время, пишет он, многие предполагали, что письма, адресованные монгольскими ханами к папе, содержали предложение начать военные действия против Иоанна Ватаца, «грека, пасынка Фридриха II, схизматика, непослушного сына папской курии», и что это предложение было приятно папе¹⁵⁵. Более того, Матвей сообщает даже и ответ Иннокентия IV татарским послам. Он поручил им передать своему королю, что если тот примет христианство, то будет идти вместе с его (папы) войсками против Иоанна Ватаца, восставшего против папы и императора Болдуина, т. е. главы Латинской империи, а затем и против самого Фридриха (так!), восставшего против римской курии. На это татарские послы ответили, что их король, получив такое известие, впадёт в великий гнев.

Дипломатические сношения с монголами продолжались. В 1248 г. французский король Людовик IX, верный союзник папской курии, готовил свой крестовый поход в «святую землю». Известно, что в мае 1248 г., когда король находился на острове Кипр, к нему прибыли послы от наместника великого хана Гуюка, татарского хана Елдегая, позднее убитого Бату, с предложением совместной борьбы против сарацин.

Ответное посольство короля, отправленное к татарам в январе 1249 г. во главе с доминиканцем Андреем де Лонжюмелем, не дало результатов. По мнению Рубрука, виной тому был некий монах Давид, член татарского посольства: по его совету король направил своих послов

«Собрание путешествий к татарам», изд. Д. Языкова. СПб. 1825 (в дальнейшем — Асцелин).

¹⁴⁷ Асцелин, стр. 251.

¹⁴⁸ Там же, стр. 227.

¹⁴⁹ Там же, стр. 229.

¹⁵⁰ Там же, стр. 242—243.

¹⁵¹ Там же, стр. 247.

¹⁵² Там же, стр. 255.

¹⁵³ Там же, стр. 253.

¹⁵⁴ Там же, стр. 259—263.

¹⁵⁵ См. *Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*, t. 44, ed. F. Madden. London. 1869. *Matthae Parisiensis. Historia Anglorum (Historia Minor)*, vol. III, p. 38—39.

к Кен-хану, которого к тому времени, однако, уже не было в живых¹⁵⁶. Любопытно, что отправка Андрея Лонжюмеля была, видимо, согласована королём с папой, ибо ещё в марте 1248 г. к королю по поручению папы ездил Карпини (ставший архиепископом). Карпини, по словам Паоло Панса, старинного биографа Иннокентия IV, «умолял его помедлить с отъездом до тех пор, пока он папской властью не будет ограждён от опасности нападения со стороны императора Фридриха II, которого недавние победы над папскими войсками сделали очень предприимчивым»¹⁵⁷. Людовик IX после встречи с Карпини посещал папу в Лионе.

Наконец, в 1253—1254 гг. Людовик IX отправил в Золотую Орду и в Монголию посольство во главе с Вильгельмом де Рубруквисом. Хотя Рубруквис был не менее скрытен и осторожен, чем Карпини, однако в его отчёте всё же уцелели сведения, подтверждающие правильность сообщения Матвея Парижского. Рубруквис ехал к татарам в то время, когда в их правительстве произошли серьёзные перемены: в 1252 г. великим ханом сделался Менгке, ставленник золотоордынского хана Бату.

Людовик IX просил хана Сартака (сын Бату, возглавлял Золотую Орду в период пребывания отца в Каракоруме) оставить Рубруквиса при сарайском дворе¹⁵⁸ в качестве постоянного дипломатического агента. Рубруквис, подобно Карпини, пытался умолчать о цели своей поездки к татарам, но это ему не удалось. Он говорит, что старался, будучи у татар, скрыть тот факт, что Людовик IX ведёт войну с сарацинами, но здесь уже всё было известно, и на вопрос Бату, с кем воюет король, ему пришлось ответить, что против сарацин¹⁵⁹.

Далее Рубруквис пишет, что Бату, отсылая его к великому хану Менгке в Каракорум, сообщал последнему, что король Людовик просил у Сартака помощи против сарацин¹⁶⁰. Рубруквис отрицает этот факт и с наигранным возмущением пишет: я де знал, что «в вашей (Людовика IX. — В. П.) грамоте не было об этом никакого упоминания, кроме того, что вы внушали ему быть другом всех христиан, воздвигнуть крест и быть недругом всех недругов креста»¹⁶¹.

Как видим, формула Рубруквиса полнее формулы Карпини, и, конечно, «кибитные политики» правильно понимали дело, ибо ниже Рубруквис, стремясь показать, как осторожно он вёл себя при дворе великого хана, не желая раскрывать цель своего приезда местным чиновникам, заявляет, что даже для сообщения великому хану он велел передать: «Мне нечего сказать ему от имени какого-либо человека, ибо он сам должен знать, что Батый написал ему»¹⁶², то есть Рубруквис вполне солидаризировался с утверждением, что король просил у татар помощи против сарацин.

Что касается антиникейской части его посольства, то она не менее очевидна. Во-первых, мы узнаём, что Рубруквис вёз татарам грамоту от главы Латинской империи Болдуина II¹⁶³, из чего уже ясно, что его миссия была враждебна Никее. Во-вторых, случилось так, что при великоханском дворе Рубруквис повстречался с посольством, присланным никейским императором Ватацем. По тому, как Рубруквис описал эту встречу, несомненно враждебность его Никее. На вопрос татарских чиновников к обоим послам об отношениях между Людовиком IX и Никеей Рубруквис ответил уклончиво: «Ни мир, ни война», — пояснив, что

¹⁵⁶ Рубрук, стр. 178; ср. стр. 158. Королём был допущен политический просчёт: Кен-хан был враждебен Бату (стр. 114).

¹⁵⁷ См. Paolo Pansa. Vita del gran pontefice Innocenzion quarto, p. 56. Napoli. 1598.

¹⁵⁸ Рубрук, стр. 91.

¹⁵⁹ Там же, стр. 98.

¹⁶⁰ Там же, стр. 115.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, стр. 149—150; ср. стр. 116.

¹⁶³ Там же, стр. 83.

владения их не соприкасаются. «Но посол Ватаца сказал, — пишет Рубруквис, — что между нами мир; это замечание сделало меня осторожным, и я замолчал»¹⁶⁴.

Наконец, очень любопытно общее заключение посла о путях дальнейшей политики. Он рекомендовал Людовику IX собрать войско и идти в поход. Куда? Это ясно из фразы: «Сын Ватаца слабого сложения и ведёт войну с сыном Ассана (правителем Валахин, сыном болгарского царя Асеня. — В. П.), который также ещё мальчик и угнетён рабством татар. Поэтому, если бы войнство церкви пожелало пойти к святой земле, то было бы очень легко или покорить все эти земли или пройти через них... От Кельна до Константинополя только 40 дней пути на повозках, а от Константинополя не будет столько дней пути до земли царя Армении. Некогда проходили через эти земли доблестные мужи и имели успех»¹⁶⁵.

Следовательно, Людовик IX добивался от татаро-монголов установления постоянных дипломатических связей и помощи в борьбе с сарацинами и Никейской империей. Но миссия Рубруквиса, несмотря на полное согласие великого хана с тем, что ему писал Бату¹⁶⁶, оказалась безрезультатной: великий хан решил оттянуть окончательный ответ и, ссылаясь на неудачу посольства Андрея Лонжюмеля, настаивал на присылке настоящих послов, чтобы монгольский двор мог окончательно определить, хочет король мира или войны¹⁶⁷. Если учесть, что посольства Карпини, Асцелина и Рубруквиса настойчиво заявляли, что папа и франки хотят именно мира, то неудача данной миссии станет несомненной. Не получил Рубруквис и разрешения остаться при дворе Сартака.

Союз латинян и татаро-монголов, столь опасный для Руси, не состоялся. Чтобы понять, почему это произошло и к чему привело, рассмотрим русско-татарские отношения изучаемой поры.

III

Большой заслугой А. Н. Насонова является постановка и освещение вопроса о взаимоотношениях между золотоордынскими ханами и великими ханами и об отражении этих взаимоотношений на политических судьбах Руси¹⁶⁸. Мы попытаемся уточнить этот вопрос. События развивались следующим образом. В 1243 г. золотоордынский хан Бату вызвал к себе из Руси Ярослава Всеволодовича Суздальского и назначил его великим князем на Руси¹⁶⁹.

Выбор был сделан не случайно. Можно догадаться, что к этому имел отношение тот факт, что Ярослав Всеволодович не принял участия в битве на Сити, где его тщетно дожидался Юрий Всеволодович¹⁷⁰; думается также, что слащавый текст владимирского свода, говорящий о «божественном» спасении от гибели Ярослава и его детей, связан с вышесказанным¹⁷¹.

Из русских летописей и из сообщений Карпини ясно, что Ярослав имел большое влияние при дворе Бату, но не получил признания при дворе великого хана. Карпини, находясь в Золотой Орде и в Монголии, сумел установить тесный контакт с Ярославом Всеволодовичем, о котором очень часто упоминает: толмачом у Карпини был «воин Ярослава»¹⁷², Темер; знаком был Карпини и с «клириком» Ярослава Дубарла-

¹⁶⁴ Рубрук, стр. 118.

¹⁶⁵ Там же, стр. 177.

¹⁶⁶ Там же, стр. 156.

¹⁶⁷ Там же, стр. 164.

¹⁶⁸ См. Насонов А. Монголы и Русь, стр. 30 и др. М.-Л. 1940.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2-й, Л. 1927, стб. 470.

¹⁷⁰ Там же, стб. 461.

¹⁷¹ Там же, стб. 469.

¹⁷² Карпини, стр. 57, ср. стр. 61.

ем, служителем его Яковом и другими¹⁷³. Карпини прибыл к Бату, когда последний по приказу великоханского двора вызвал из Руси князя Ярослава и отправил его в Монголию. Он говорит, что Ярослав Всеволодович, «знатный муж», «великий князь Руссии», отправился в Каракорум с большой свитой, но что в пути «люди Ярослава» «в большом количестве умерли»¹⁷⁴; сообщает он, далее, что при дворе великого хана князь Ярослав не получил «никакого должного почёта»¹⁷⁵.

Видимо, в противовес Бату великоханский двор хотел иметь своего ставленника на Руси, поэтому, говорит Карпини, было решено убить Ярослава, хотя «по приказу жены Ярослава (Феодосии Игоревны Рязанской. — В. П.) и Батыя» к Ярославу был послан некий Угней¹⁷⁶, чтобы предупредить князя об опасности, но он опоздал.

Вдова великого хана Угедая, ханша Туракина, правда, «без ведома бывших там людей» великого хана Гуюка (1246—1248), отравила князя Ярослава Всеволодовича, «чтобы, — говорит Карпини, — свободнее и окончательнее завладеть его землёю»¹⁷⁷. Затем, рассказывает Карпини, «она поспешно отправила послов к Александру (Ярославичу), зовя его под тем предлогом, что хочет подарить ему землю отца его». Но князь Александр «не пожелал» ехать, так как все знали, что она его либо умертвит либо предаст вечному плену¹⁷⁸.

Нужно добавить, что Карпини не случайно уделил внимание князю Ярославу. Ярослав, ознакомленный Карпини с папскими посланиями и предложениями, кажется, дал согласие на переговоры с курией. Во всяком случае, Иннокентий IV в своей булле к Александру Ярославичу именно это утверждает¹⁷⁹ и вряд ли лжёт, так как князь Александр имел связи в Орде и знал о переговорах отца. Может быть, и гибель Ярослава была ускорена тем, что татарам от боярина Фёдора Яруновича¹⁸⁰ стало известно об этих переговорах.

Татаро-монгольское нашествие усилило феодальные распри на Руси: и в Сарае и в Каракоруме русские князья стремились с помощью татар свести друг с другом старые феодальные счёты. Так был погублен черниговский князь Михаил Всеволодович. О нём Карпини говорит в нескольких местах своего описания. Татары, пишет посол, «не соблюдают никакого закона о богопочитании» и «никого ещё, насколько мы знаем, не заставили они отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила»¹⁸¹. В другом месте он сообщает, что Бату принудил князя Михаила, который «был одним из великих князей русских», пройти сквозь огонь; когда князь это исполнил, то ему было велено кланяться «на полдень Чингис-хану». Однако от этого Михаил Всеволодович отказался, заявив, что «охотно поклонится Батыю... но не поклонится изображению мёртвого человека, так как христианину этого делать не подобает». Тогда Бату через «сына Ярослава»¹⁸² передал князю Михаилу, что он будет убит, если не выполнит распоряжения; князь отказался и был убит вместе с одним из своих воинов¹⁸³, воеводой Фёдором¹⁸⁴.

¹⁷³ Карпини, стр. 61.

¹⁷⁴ Там же, стр. 50.

¹⁷⁵ Там же, стр. 13; ср. стр. 54.

¹⁷⁶ Там же, стр. 61.

¹⁷⁷ Там же, стр. 57.

¹⁷⁸ Там же. Карпини встречался в Золотой Орде с «сыном князя Ярослава» (стр. 61), но это не Александр, а тот сын, что был в заложниках (стр. 34).

¹⁷⁹ HRM. I, № 78 (1248).

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. VII, стр. 156. Можно допустить, что Темер, воин Ярослава Всеволодовича, хорошо известный Карпини, который использовал его в качестве толмача, и есть Фёдор Ярунович нашей летописи. Иннокентий IV в письме к Александру Невскому утверждал, что Ярослав Всеволодович вступил в сношения с курией по совету одного из своих воинов (HRM. I, № 78).

¹⁸¹ Карпини, стр. 8, ср. стр. 34.

¹⁸² Там же, стр. 8.

¹⁸³ Там же; ср. ПСРЛ. Т. II, стб. 795, 808.

¹⁸⁴ Ср. Новгородскую I-ю летопись, стр. 263.

Не знаем, насколько в данном случае этот «сын Ярослава» отражал взгляд своего отца, великого князя Ярослава, но он же пытался, видимо, покончить и с другим крупным князем, Даниилом Романовичем Галицко-Волынским. Карпини сообщает, что этот сын Ярослава «имел при себе одного воина из России по имени Сангора»¹⁸⁵, родом половчанина. Сангор встречается нам и в летописи: князь Даниил Романович ехал на Волгу к хану Бату: «хотяшу ся ему поклонити», когда он прибыл в ханскую ставку, то «пришедшему же Ярославлю (так!) человеку Сънгурови, рекшу ему: «Брат твой Ярослав кланялся кусту и тебе кланяться». Летописец убеждён, что князь ответил Сангору: «Дьявол глаголетъ из уст ваших» — и т. д. Однако ниже читаем в той же летописи, что князь Даниил «поклонися по обычаю их (татар — В. П.)»¹⁸⁶. Видимо, при решении крупных государственных вопросов Даниил Романович имел более широкий взгляд на вещи, чем князь Черниговский, поэтому провокация «Ярославля человека» не удалась. Следовательно, можно заметить, что от рук татар пали два крупных русских князя: Ярослав Всеволодович Суздальский и Михаил Всеволодович Черниговский, оба имевшие какие-то дипломатические связи с папской курией.

В татаро-монгольском правительстве между тем произошли перемены. Умер великий хан Гуюк, и престолом завладела его вдова Огуль-Гамиш (1248—1251), недружественная золотоордынскому хану Бату. Несогласие между ними отразилось в татарской политике на Руси. В 1246 г. хан Бату сделал своей властью великим князем на Руси Святослава Всеволодовича¹⁸⁷, но великая ханша не признала этого решения. В 1249 г. она вызвала к себе русских князей, сыновей Ярослава Всеволодовича Андрея и Александра Ярославичей. Зная о связях князя Александра с Бату, ханша назначила великим князем Андрея Ярославича¹⁸⁸. В 1250 г. оба князя вернулись на Русь, и Андрей стал княжить во Владимире, Александр номинально получил «Киев и всю Русскую землю»¹⁸⁹.

В том же году ко двору князя Александра прибыл митрополит Кирилл¹⁹⁰, в своё время (около 1246) отправленный галицко-волынским князем Даниилом Романовичем в Никею на утверждение к патриарху Мануилу II. Митрополит Кирилл по возвращении из Никеи не согласился с политическим курсом холмского двора и примкнул к политике Александра Невского. Это свидетельствует об известном взаимопонимании, существовавшем между князем Александром и никейским двором.

Золотоордынский хан Бату принимал все меры, чтобы добиться решающего влияния в великоханской ставке. Это ему удалось: в 1251 г. Огуль-Гамиш была свергнута с престола, и великим ханом в 1252 г. сделан ставленник Бату — хан Менгке. Вследствие этих перемен положение великого князя Андрея Ярославича на Руси утратило прочность, несмотря на то, что его поддерживал князь Ярослав Ярославич Тверской, а также на то, что он вступил в контакт с князем Даниилом Романовичем Галицко-Волынским, женившись в 1250 г. на его дочери¹⁹¹.

В 1252 г. Александр Ярославич, княживший в Новгороде, один поехал в Золотую Орду, где и получил от Бату ярлык на великое княжение¹⁹². В том же году Бату двинул войско под командованием

¹⁸⁵ Карпини, стр. 61.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. II, стб. 807. За это следовала по церковным законам епитимья. См. Новгородская 1-я летопись, стр. 267. Впрочем, князь Даниил согласился и на принятие высшей чести — пить с ханом кумыс (ПСРЛ. Т. II, стб. 807), хотя, по мнению многих современников, это было уже вовсе недопустимо (Рубрук, стр. 83).

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2-й, стб. 471.

¹⁸⁸ Там же, стб. 472.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ См. Новгородскую 1-ю летопись, стр. 272 (под 1251 г.).

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2-й, стб. 472.

¹⁹² Там же, стб. 473.

Неврюя против князя Андрея¹⁹³, который, как туманно говорит составленный в дружественном Александру Ярославичу духе Владимирский свод, «сдума... с своими бояры бегати, нежели царём (татарам.— В. П.) служити»¹⁹⁴. Андрей Ярославич через Новгород, Псков, Ревель бежал в Швецию; позднее он вернулся на Русь и находился под рукой князя Александра. От наступления Неврюя пострадал и князь Ярослав Ярославич, должно быть, поддерживавший политику князя Андрея¹⁹⁵. Подтверждением той мысли, что князь Андрей не желал подчиняться хану Золотой Орды, служит отрывок из Никоновской летописи, в котором приводятся слова князя Андрея: «Госпуди, что есть, доколе нам межь собою бранитися и наводити друг на друга татар; лутчи ми есть бежати в чюжую землю, неже дружити и служити татарам»¹⁹⁶.

Несомненно, в связи с получением великокняжеского стола князем Александром находится отправка ханом Бату в том же 1252 г. войск под командованием Куремсы в Юго-Западную Русь против князя Даниила Романовича. В отличие от князя Андрея Ярославича галицко-волинский князь сумел отбить татарское наступление; он потерял лишь Понизье.

Как видим, политика князя Александра сводилась к поддержанию определённых отношений с татаро-монголами Золотой Орды и (через митрополита Кирилла) с Никейской империей.

Перемены, происшедшие у татаро-монголов, вновь вызвали со стороны папской курии попытку найти с ними базу для соглашения. Следствием этого явилось посольство Вильгельма де Рубруквиса, присланное Людовиком IX в 1253—1254 годах. В то же время Иннокентий IV отправил к хану Бату своего посла Иоанна де Поликарно¹⁹⁷ и посольство из пяти монахов — к ханам Сартаку, Менгу-Тимуру и Бури¹⁹⁸. Однако все эти посольства не достигли цели, наткнувшись в Сарае на противодействие русской дипломатии князя Александра Невского, выступавшего в согласии с никейскими дипломатами. Что русские дипломаты имели вес в Золотой Орде, видно, между прочим, и из того, что Карпини, прибыв туда, переводил документы, присланные курией татарам, «на письмена русские, и сарацинские, и на письмена татар»¹⁹⁹.

Что касается Никей, то местный императорский двор, конечно, не мог равнодушно взирать на оживлённые дипломатические сношения папы Иннокентия IV и его союзника французского короля Людовика IX с татаро-монголами. Никей, в свою очередь, не замедлила открыть переговоры. В 1254 г. в Каракоруме находилось посольство Иоанна Ватаца, встреченное там Рубруквисом. Вряд ли оно было первым. Рубруквис сообщает о появлении этого посольства следующее. Один толмач императорского татарского двора, с которым Рубруквис имел беседу, ранее ездил послом от татар в Никею, где, «подкупленный его (Ватаца.— В. П.) подарками, он посоветовал Вастацию отправить послов к Менгу-хану (Менгке.— В. П.), чтобы оттянуть время (так!), так как Вастаций полагал, что они немедленно должны вступить в его землю. И тот послал, а когда узнал их (татар.— В. П.), то мало заботился о них и не заключал с ними мира, и они ещё не вступали в его страну, да и не смогут этого, лишь бы он осмелился защищаться»²⁰⁰.

¹⁹³ Новгородская 1-я летопись, стр. 272 (под 1251 г.).

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2-й, стб. 473.

¹⁹⁵ Пресняков А. Образование великорусского государства. 1918, стр. 55—56. прим. 4; Соловьёв С. История России, кн. 1-я, стр. 839. Изд. «Общественная польза».

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. X, стр. 138.

¹⁹⁷ Рубрук, стр. 98.

¹⁹⁸ Там же, стр. 174.

¹⁹⁹ Карпини, стр. 49; ср. стр. 58.

²⁰⁰ Рубрук, стр. 149.

Греческие источники (Скутариот) подтверждают, что в начале 1254 г. Иоанн III Ватац был сильно обеспокоен надвигающейся татарской опасностью и принимал меры к защите. Одной из этих мер явилось его посольство к великому хану Менгке. Исход посольства был благоприятный²⁰¹. Позднее, в конце 1257 г., состоялся приём татарских послов никейским императором Фёдором II в лагере у Магнезии. Император сумел поразить татар великолепием приёма и, прибегнув к хитрости, даже убедить их в большой силе своего войска, так что, говорит Пахимер, «стали бояться те, которых боялись». Если в этом утверждении и есть преувеличение, то бесспорен факт, что ещё в 1259 г. значительное греческое войско могло быть переброшено в Европу и одержало при Пелагонии блестящую победу над западными рыцарями²⁰².

Не может быть сомнений в том, что в татаро-никейских переговорах 1257 г. участвовали и русские дипломаты, ибо именно тогда татары согласились сохранить прежний порядок в русско-византийских церковно-политических отношениях; тем самым папской дипломатии наносился серьёзный удар.

Но при этом русско-византийские церковные отношения были поставлены под контроль золотоордынских ханов посредством специальной русской епископии, организованной в 1261 г. в Сарае. Тогда же князь Александр Ярославич выхлопотал у татаро-монголов освобождение русских церковников от татарских поборов.

Следует отметить, что М. Д. Приселков, исходя из своей обычной переоценки значения церковно-политических русско-византийских связей, и в данном вопросе допускал серьёзную ошибку, рассматривая тогдашних русских князей и, в частности, Александра Невского как покорных исполнителей воли никейского императора²⁰³.

В ходе переговоров русской стороне было навязано обязательство о подведении Новгорода и всей Северо-Западной Руси под татарское владычество, выполненное в 1258 г.²⁰⁴ князем Александром Невским. Переговоры совпали по времени с установлением в 1257 г. татаро-монголами системы своего владения на Руси в виде баскачества²⁰⁵; в том же году было покончено с независимым существованием Юго-Западной Руси: воевода Куремса был заменён Бурундаем, который привёл с собою большое войско и включил Юго-Западную Русь в орбиту татаро-монгольского владения; тогда же своим походом на Литву татаро-монголы ускорили разрыв последней с папской курией и сближение великого князя литовского Миндовга с великим князем Александром Невским. С этой поры отношения римской курии с Русью и татарами вступили в новую фазу развития.

Такова сущность «удара с Востока», причин которого не пожелал или не смог раскрыть А. М. Амманн. Восторжествовала принятая в 1246 г. князем Александром Ярославичем Невским политика, благодаря которой был установлен определённый *modus vivendi* с татаро-монголами, организовавшими своё владение над побеждённой Русью; вместе с тем это была политика борьбы с опасностью с Запада, со стороны крестоносцев, грозивших полным истреблением русскому народу, его культуре, его вере. В этом огромная заслуга князя Александра Ярославича, как государственного деятеля, перед русским народом, и не случайно наши предки, понимая это, высоко ценили его личность.

²⁰¹ Андреева М. Приём татарских послов при никейском дворе. «*Seminarium Kondakovianum*», стр. 192. Прага. 1926.

²⁰² Там же, стр. 200.

²⁰³ Приселков М. Русско-византийские отношения IX—XII вв. «Вестник древней истории» № 3 за 1939 г., стр. 98; ср. его же «История русского летописания», стр. 104. Л. 1940.

²⁰⁴ Пашуто В. Александр Невский. «Учёные записки» Ленинградского государственного университета № 36 за 1939 г., стр. 81—82.

²⁰⁵ См. Насонов А. Указ. соч., стр. 14. и сл.

Из изложенного следует, что лжёт А. М. Амманн, утверждая, будто папские послы посещали татар только с целью побудить их принять христианство и прекратить убийства христиан²⁰⁶. Наконец, падает и последнее звено цепи утверждения К. Уминского, полагавшего, что папские посольства к татарам имели целью оказать помощь русским князьям²⁰⁷.

К сожалению, в огромном большинстве русских источников сохранена оценка деятельности князя Александра под углом зрения русских церковников. Русская церковь, русские духовные феодалы оценили князя Александра по-своему, как князя, сохранившего их доходы от покушений и римской курии и татаро-монголов; отсюда явилось стремление превратить все светские источники об этом князе в житие, а самого его — в святого.

Не следует забывать, что татаро-монголы, отклонив домогательства римской курии и согласившись сохранить подчинение русской церкви Никее, имели, конечно, в виду не только возможность более удобного контроля русско-византийских отношений в сравнении с русско-римскими, но и те выгоды, которые они смогут получить от русских духовных феодалов при установлении политики своего господства над Русью и контроля над русской светской властью. Вот почему татаро-монголы, устанавливая в 1257—1259 гг. свою систему властвования, дали иммунитет духовным феодалам, распорядились, чтобы «численники» «не чтоша игуменов, чернцов, попов, крилошан, кто зрит на святую богородицу и на владыку»²⁰⁸.

Как и следовало ожидать, духовная знать и подчинённое ей духовенство не замедлили сделать вывод, что «не оскудела правоверная вера христианская», а когда в 1267 г. хан Менгу-Тимур ещё более улучшил положение русской церкви по отношению к ханской власти в сравнении с положением, бывшим при ханах Сартаке, Улауичи и Берке, то церковники и вовсе стали писать об «ослабе Руси от насилия бессермен» по смерти хана Берке²⁰⁹, вводя этим в заблуждение русских историков относительно положения народа на Руси, который, как и прежде, «в работе суще и в озлоблении зле»²¹⁰. Понятно, что в этой церковной

²⁰⁶ Ammann A. Указ. соч., стр. 249—250, 270.

²⁰⁷ Umiński K. Указ. соч., стр. 42.

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. I, вып. 2-й, стб. 475.

²⁰⁹ Ср. Прибытков М. Ханские ярлыки русским митрополитам, стр. 84. Пгр.

1916.

²¹⁰ См. анонимную «Похвалу Феодосию Печерскому», изд. арх. Леонид. Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 2-я, разд. II, стр. 25. М. 1890. Отметим, что русские духовные феодалы не обманули надежд ордынских политиков и по-прежнему служили новому сюзеру. Например, золотоордынский хан Менгу-Тимур около 1270 г. навязывал Новгороду невыгодные условия торговли, по которым иноземные купцы получали свободный доступ на Волгу (см. Русско-ливонские акты, изданные К. Е. Напьерским. СПб. 1868, № 26). Но Новгород отказался подчиниться хану и изгнал в 1270 г. князя Ярослава Ярославича, согласившегося с решением хана (ср. Новгородскую 1-ю летопись, стр. 292). Новгород должен был смириться, когда митрополит пригрозил ему отлучением от церкви (ПСРЛ. Т. VII, стр. 170; ср. Новгородскую 1-ю летопись, стр. 292—294), а князь Ярослав возвратился в город силою ханского ярлыка (Срезневский И. Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв., стр. 137—138. СПб. 1882. Собрание государственных грамот и договоров. Т. I. Ч. 1-я, № 3. М. 1813). Что касается русской книжности, то церковники занимались переработкой антитатарских памятников письменности, возникших в XIII веке. Так было переработано и смягчено житие князя Михаила Черниговского, к которому, по мнению В. О. Ключевского, было добавлено сообщение о том, что князь Михаил убил татарских послов, прибывших в Киев (см. Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 147. М. 1871). Несомненно, смягчённой является летописная запись свода, где сказано, что Ярослав Всеволодович умер «нужною смертью» (ПСРЛ. Т. VII, стр. 156), тогда как в Холмском своде ясно указано, что татары князя «зелем умориша» (ПСРЛ. Т. II, стб. 808). Подозрительной представляется та часть сказания о битве на Калке, где татары предлагают русским князьям мир, а русские убивают их послов; при этом татары говорят: «Всем нам бог» (Новгородская 1-я летопись, стр. 218).

книжной традиции государственная, светская деятельность князя Александра Невского оказалась затуманенной и весь облик его был искажён.

Следует отметить, что некоторым историкам оказался доступным только этот, искажённый русской церковной книжностью образ князя Александра Невского. Мы имеем в виду работу Г. Вернадского, посвящённую данному вопросу. Г. Вернадский утверждает, что Александр Невский, дабы сохранить религиозную свободу, пожертвовал свободой политической²¹¹. И заявляет, что два подвига Александра Невского — его борьба с Западом (!) и его смирение перед Востоком — имели лишь единственную цель — сбережение православия как источника нравственной и политической силы русского народа²¹². Так, оторвавшиеся от родины люди, не понимающие роли своего народа в истории, удаляются в мракобесие, превращая выдающихся русских государственных деятелей в благочестивых святош.

Подведём некоторые итоги.

1. В XIII в. папская курия проводила политику наступления на русские и связанные с ними земли с целью их латинизации, призванной облегчить последующие завоевания крестоносцев. При проведении этой политики курия использовала не только дипломатические средства, но и военные вторжения в русские земли с севера и запада (немцев, венгров, шведов, датчан).

2. Эта политика достигла особой активности после татаро-монгольского вторжения; однако она натолкнулась как на дипломатический, так и на вооружённый отпор со стороны крупнейших русских князей — Александра Невского и Даниила Галицкого.

3. В то же время папская курия завязала дипломатические переговоры с татаро-монголами, стремясь найти в них союзников по борьбе против германского императора Фридриха II, Никейской империи и турков-сельджуков. Курия добивалась от татаро-монголов принятия католичества, надеясь таким путём не только упрочить свой союз с ними, но и получить от них признание за папством прав на руководство русской церковью.

4. Русская дипломатия в лице князя Александра Ярославича Невского не только не позволила папской курии втянуть ослабленную татаро-монгольским нашествием Русь в новое столкновение с Ордой, но и сумела нейтрализовать происки римской курии в Орде и при этом добиться от татаро-монголов в момент установления системы их владения над всей Русью (1257—1259) сохранения экономических и политических позиций русских духовных феодалов.

²¹¹ Вернадский Г. Два подвига св. Александра Невского. «Евразийский временник». Т. IV, стр. 227. Берлин. 1925.

²¹² Там же, стр. 335.